

Даниил Хармс Случаи

посвящая Марине Владимировне Малич

содержание

01. Голубая тетрадь №10 (<1937 год>)
02. Случаи (<22 августа <1933> года>)
03. Вываливающиеся старухи (19... год)
04. Сонет (<12 ноября 1935 года>)
05. Петров и Камаров (19... год)
06. Оптический обман (19... год)
07. Пушкин и Гоголь (<1934 год>)
08. Столяр Кушаков (19... год)
09. Сундук (<30 января 1937 год>)
10. Случай с Петраковым (19... год)
11. История дерущихся (<1936 год>)
12. Сон (19... год)
13. Математик и Андрей Семёнович (<1933 год>)
14. Молодой человек, удививший сторожа (19... год)
15. Четыре иллюстрации того, как новая идея огораживает человека, к ней не подготовленного (19... год)
16. Потери (19... год)
17. Макаров и Петерсен (№3) (<1934 год>)
18. Суд Линча (19... год)
19. Встреча (19... год)
20. Неудачный спектакль (19... год)
21. Тюк! (19... год)
22. Что теперь продают в магазинах (19... год)
23. Машкин убил Кошкина (19... год)
24. Сон дразнит человека (19... год)
25. Охотники (19... год)
26. Исторический эпизод (19... год)
27. Федя Давидович (19... год)
28. Анекдоты из жизни Пушкина (19... год)
29. Начало очень хорошего летнего дня (симфония; 19... год)
30. Пакин и Ракукин (19... год)

Голубая тетрадь №10

Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно.

Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было.

У него не было даже рук и ног. И живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было. Ничего не было!

Так что непонятно, о ком идёт речь.

Уж лучше мы о нём не будем больше говорить.

<1937 год>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Случаи

Однажды Орлов объелся толчёным горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причёсываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом и сошёл с ума. А Перехрёстов получил телеграфом четыреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

Хорошие люди и не умеют поставить себя на твёрдую ногу.

<22 августа <1933> года>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Вываливающиеся старухи

Одна старуха от чрезмерного любопытства вывалилась из окна, упала и разбилась.

Из окна высунулась другая старуха и стала смотреть вниз на разбившуюся, но от чрезмерного любопытства тоже вывалилась из окна, упала и разбилась.

Потом из окна вывалилась третья старуха, потом четвертая, потом пятая.

Когда вывалилась шестая старуха, мне надоело смотреть на них, и я пошёл на Мальцевский рынок, где, говорят, одному слепому подарили вязаную шаль.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Сонет

Удивительный случай случился со мной: я вдруг забыл, что идёт раньше – 7 или 8.

Я отправился к соседям и спросил их, что они думают по этому поводу.

Каково же было их и моё удивление, когда они вдруг обнаружили, что тоже не могут вспомнить порядок счёта. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 помнят, а дальше забыли.

Мы все пошли в коммерческий магазин «Гастроном», что на углу Знаменской и Бассейной улицы, и спросили кассиршу о нашем недоумении. Кассирша грустно улыбнулась, вынула изо рта маленький молоточек и, слегка подвигав носом, сказала:

– По-моему, семь идёт после восьми в том случае, когда восемь идёт после семи.

Мы поблагодарили кассиршу и с радостью выбежали из магазина. Но тут, вдумываясь в слова кассирши, мы опять приуныли, так как её слова показались нам лишёнными всякого смысла.

Что нам было делать? Мы пошли в Летний сад и стали там считать деревья. Но дойдя в счёте до 6-ти, мы остановились и начали спорить: по мнению одних дальше следовало 7, по мнению других – 8.

Мы спорили бы очень долго, но, по счастью, тут со скамейки свалился какой-то ребёнок и сломал себе обе челюсти. Это отвлекло нас от нашего спора.

А потом мы разошлись по домам.

<12 ноября 1935 года>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Петров и Камаров

Петров

Эй, Камаров!

Давай ловить комаров!

Камаров

Нет, я к этому ещё не готов.
Давай лучше ловить котов!

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Оптический обман

Семен Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семёнович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семёнович, надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семёнович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семёнович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семёнович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Пушкин и Гоголь

Гоголь падает из-за кулис на сцену и смирно лежит

Пушкин (*выходит, спотыкается об Гоголя и падает*)

Вот чёрт! Никак об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*)

Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут!

идёт, спотыкается об Пушкина и падает

Никак об Пушкина спотыкнулся!

Пушкин (*поднимаясь*)

Ни минуты покоя!

идёт, спотыкается об Гоголя и падает

Вот чёрт! Никак опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*)

Вечно во всем помеха!

идёт, спотыкается об Пушкина и падает

Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*):

Хулиганство! Сплошное хулиганство!

идёт, спотыкается об Гоголя и падает

Вот чёрт! Опять об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*)

Это издевательство сплошное!

идёт, спотыкается об Пушкина и падает

Опять об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*)

Вот чёрт! Истинно что чёрт!

идёт, спотыкается об Гоголя и падает

Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*)

Мерзопакость!

идёт, спотыкается об Пушкина и падает

Об Пушкина!

Пушкин (*поднимаясь*)

Вот чёрт!

идёт, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы

Об Гоголя!

Гоголь (*поднимаясь*)

Мерзопакость!

уходит за кулисы | за сценой слышен голос Гоголя: «Об Пушкина!» | занавес

<1934 год>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Столяр Кушаков

Жил-был столяр. Звали его Кушаков.

Однажды вышел он из дому и пошёл в лавочку, купить столярного клея.

Была оттепель, и на улице было очень скользко. Столяр прошёл несколько шагов, поскользнулся, упал и расшиб себе лоб.

– Эх! – сказал столяр, встал, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил себе лоб.

Но когда он вышел на улицу и сделал несколько шагов, он опять поскользнулся, упал и расшиб себе нос.

– Фу! – сказал столяр, пошел в аптеку, купил пластырь и заклеил пластырем себе нос.

Потом он опять вышел на улицу, опять поскользнулся, упал и расшиб себе щеку.

Пришлось опять пойти в аптеку и заклеить пластырем щеку.

– Вот что,– сказал столяру аптекарь.– Вы так часто падаете и расшибаетесь, что я советую вам купить пластырей несколько штук.

– Нет,– сказал столяр,– больше не упаду!

Но когда он вышел на улицу, то опять поскользнулся, упал и расшиб себе подбородок.

– Паршивая гололедица!– закричал столяр и опять побежал в аптеку.

– Ну вот видите,– сказал аптекарь,– Вот вы опять упали.

– Нет!– закричал столяр.– Ничего слышать не хочу! Давайте скорее пластырь!

Аптекарь дал пластырь; столяр заклеил себе подбородок и побежал домой.

А дома его не узнали и не пустили в квартиру.

– Я столяр Кушаков!– закричал столяр.

– Рассказывай!– отвечали из квартиры и заперли дверь на крюк и на цепочку.

Столяр Кушаков постоял на лестнице, плюнул и пошёл на улицу.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Сундук

Человек с тонкой шеей забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться.

– Вот,– говорил, задыхаясь, человек с тонкой шеей, – я задыхаюсь в сундуке, потому что у меня тонкая шея. Крышка сундука закрыта и не пускает ко мне воздуха. Я буду задыхаться, но крышку сундука все равно не открою. Постепенно я буду умирать. Я увижу борьбу жизни и смерти. Бой произойдет неестественный, при равных шансах, потому что естественно побеждает смерть, а жизнь, обреченная на смерть, только тщетно борется с врагом, до последней минуты не теряя напрасной надежды. В этой же борьбе, которая произойдет сейчас, жизнь будет знать способ своей победы: для этого жизни надо заставить мои руки открыть крышку сундука. Посмотрим: кто кого? Только вот ужасно пахнет нафталином. Если победит жизнь, я буду вещи в сундуке пересыпать махоркой... Вот началось: я больше не могу дышать. Я погиб, это ясно! Мне уже нет спасения! И ничего возвышенного нет в моей голове. Я задыхаюсь!..

Ой! Что же это такое? Сейчас что-то произошло, но я не могу понять, что именно. Я что-то видел или что-то слышал...

Ой! Опять что-то произошло? Боже мой! Мне нечем дышать. Я, кажется, умираю...

А это еще что такое? Почему я пою? Кажется, у меня болит шея... Но где же сундук? Почему я вижу всё, что находится у меня в комнате? Да никак я лежу на полу! А где же сундук?

Человек с тонкой шеей поднялся с пола и посмотрел кругом. Сундука нигде не было. На стульях и кровати лежали вещи, вынутые из сундука, а сундука нигде не было.

Человек с тонкой шеей сказал:

– Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом.

(В черновике приписка: жизнь победила смерть, где именительный падеж, а где винительный).

<30 января 1937 год>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Случай с Петраковым

Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лёг мимо кровати. Так он об пол ударился, что лежит на полу и встать не может.

Вот Петраков собрал последние силы и встал на четвереньки. А силы его покинули, и он опять упал на живот и лежит.

Лежал Петраков на полу часов пять. Сначала просто так лежал, а потом заснул.

Сон подкрепил силы Петракова. Он проснулся совершенно здоровым, встал, прошёлся по комнате и лёг осторожно на кровать. «Ну, – думает, – теперь посплю». А спать-то уже и не хочется. Ворочается Петраков с боку на бок и никак заснуть не может.

Вот, собственно, и всё.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

История дерущихся

Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрёй. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей Карлович протер свою вставную челюсть, вставил её себе в рот и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошёл его разыскивать.

<1936 год>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Сон

Калугин заснул и увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, почесал рот и опять заснул, и опять увидел сон, будто он идёт мимо кустов, а в кустах притаился и сидит милиционер.

Калугин проснулся, подложил под голову газету, чтобы не мочить слюнями подушку, и опять заснул, и опять увидел сон, будто он сидит в кустах, а мимо кустов проходит милиционер.

Калугин проснулся, переменял газету, лёг и заснул опять. Заснул и опять увидел сон, будто он идёт мимо кустов, а в кустах сидит милиционер.

Тут Калугин проснулся и решил больше не спать, но моментально заснул и увидел сон, будто он сидит за милиционером, а мимо проходят кусты.

Калугин закричал и заметался в кровати, но проснуться уже не мог.

Калугин спал четыре дня и четыре ночи подряд и на пятый день проснулся таким тощим, что сапоги пришлось подвязывать к ногам верёвочкой, чтобы они не сваливались. В булочной, где Калугин всегда покупал пшеничный хлеб, его не узнали и подсунули ему полуржаной. А санитарная комиссия, ходя по квартирам и увидя Калугина, нашла его антисанитарным и никуда не годным и приказала жакту выкинуть Калугина вместе с сором.

Калугина сложили пополам и выкинули его как сор.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Математик и Андрей Семёнович

Математик (*вынимая из головы шар*)

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

Я вынул из головы шар.

Андрей Семёнович

Положь его обратно.

Положь его обратно.

Положь его обратно.

Положь его обратно.

Математик

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Нет, не положу!

Андрей Семёнович

Ну и не клади.

Ну и не клади.

Ну и не клади.

Математик

Вот и не положу!

Вот и не положу!

Вот и не положу!

Андрей Семёнович

Ну и ладно.

Ну и ладно.

Ну и ладно.

Математик

Вот я и победил!

Вот я и победил!

Вот я и победил!

Андрей Семёнович:

Ну победил и успокойся!

Математик

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

Нет, не успокоюсь!

Андрей Семёнович

Хоть ты математик, а честное слово, ты не умён.

Математик

Нет, умён и знаю очень много!

Нет, умён и знаю очень много!

Нет, умён и знаю очень много!

Андрей Семёнович

Много, да только всё ерунду.

Математик

Нет, не ерунду!

Нет, не ерунду!

Нет, не ерунду!

Андрей Семёнович

Надоело мне с тобой препираться.

Математик

Нет, не надоело!

Нет, не надоело!

Нет, не надоело!

*Андрей Семёнович досадливо машет рукой и уходит | математик, постояв минуту, уходит
вслед за Андреем Семёновичем | занавес*

<1933 год>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Молодой человек, удививший сторожа

– Ишь ты,– сказал сторож, рассматривая муху. – Ведь если её помазать столярным клеем, то ей, пожалуй, и конец придет. Вот ведь история! От простого клея!

– Эй ты, леший! – окликнул сторожа молодой человек в жёлтых перчатках.

Сторож сразу же понял, что это обращаются к нему, но продолжал смотреть на муху.

– Не тебе, что ли, говорят? – крикнул опять молодой человек. – Скотина!

Сторож раздавил муху пальцем и, не поворачивая головы к молодому человеку, сказал:

– А ты чего, срамник, орёшь-то? Я и так слышу. Нечего орать-то!

Молодой человек почистил перчатками свои брюки и деликатным голосом спросил:

– Скажите, дедушка, как тут пройти на небо?

Сторож посмотрел на молодого человека, прищурил один глаз, потом прищурил другой, потом почесал себе бородку, ещё раз посмотрел на молодого человека и сказал:

– Ну, нечего тут задерживаться, проходите мимо.

– Извините,– сказал молодой человек,– ведь я по срочному делу. Там для меня уже и комната приготовлена.

– Ладно,– сказал сторож, – покажи билет.

– Билет не у меня; они говорили, что меня и так пропустят,– сказал молодой человек, заглядывая в лицо сторожу.

– Ишь ты! – сказал сторож.

– Так как же?– спросил молодой человек. – Пропустите?

– Ладно, ладно,– сказал сторож. – Идите.

– А как пройти-то? Куда? – спросил молодой человек. – Ведь я и дороги-то не знаю.

– Вам куда нужно? – спросил сторож, делая строгое лицо.

Молодой человек прикрыл рот ладонью и очень тихо сказал:

– На небо!

Сторож наклонился вперед, подвинул правую ногу, чтобы встать потверже, пристально посмотрел на молодого человека и сурово спросил:

– Ты чего? Ваньку валяешь?

Молодой человек улыбнулся, поднял руку в жёлтой перчатке, помахал ею над головой и вдруг исчез.

Сторож понюхал воздух. В воздухе пахло жжёными перьями.

– Ишь ты!– сказал сторож, распахнул куртку, почесал себе живот, плюнул в то место, где

стоял молодой человек, и медленно пошел в свою сторожку.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Четыре иллюстрации того, как новая идея огорашивает человека, к ней не подготовленного

I

Писатель

Я писатель!

Читатель

А по-моему, ты говно!

писатель стоит несколько минут, потрясённый этой новой идеей, и падает замертво | его выносят

II

Художник

Я художник!

Рабочий

А по-моему, ты говно!

художник тут же побледнел, как полотно, и как тростинка закачался, и неожиданно скончался | его выносят

III

Композитор

Я композитор!

Ваня Рублев

А по-моему, ты говно!

композитор, тяжело дыша, так и осел | его неожиданно выносят

IV

Химик

Я химик!

Физик

А по-моему, ты говно!

химик не сказал больше ни слова и тяжело рухнул на пол

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Потери

Андрей Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понёс его домой.

По дороге Андрей Андреевич потерял фитиль и зашёл в магазин купить полтора грамма полтавской колбасы. Потом Андрей Андреевич зашёл в молокосоюз и купил бутылку кефира, потом выпил в ларьке маленькую кружечку хлебного кваса и встал в очередь за газетой. Очередь была довольно длинная, и Андрей Андреевич простоял в очереди не менее двадцати минут, но, когда он подходил к газетчику, то газеты перед самым его носом кончились.

Андрей Андреевич потоптался на месте и пошёл домой, но по дороге потерял кефир и завернул в булочную, купил французскую булку, но потерял полтавскую колбасу.

Тогда Андрей Андреевич пошёл прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал своё пенсне.

Домой Андрей Андреевич пришёл очень злой и сразу лёг спать, но долго не мог заснуть, а когда заснул, то увидел сон: будто он потерял зубную щетку и чистит зубы каким-то подсвечником.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Макаров и Петерсен (№3)

Макаров

Тут, в этой книге, написано о наших желаниях и об исполнении их. Прочти эту книгу, и ты поймёшь, как суетны наши желания. Ты также поймёшь, как легко исполнить желание другого и как трудно исполнить желание своё.

Петерсен

Ты что-то заговорил больно торжественно. Так говорят вожди индейцев.

Макаров

Эта книга такова, что говорить о ней надо возвышенно. Даже думая о ней, я снимаю шапку.

Петерсен

А руки моешь, прежде чем коснуться этой книги?

Макаров

Да, и руки надо мыть.

Петерсен

Ты и ноги, на всякий случай, вымыл бы!

Макаров

Это неостроумно и грубо.

Петерсен

Да что же это за книга?

Макаров

Название этой книги таинственно...

Петерсен

Хи-хи-хи!

Макаров

Называется эта книга МАЛГИЛ.

Петерсен исчезает

Макаров

Господи! Что же это такое? Петерсен!

Голос Петерсена:

Что случилось? Макаров! Где я?

Макаров

Где ты? Я тебя не вижу!

Голос Петерсена

А ты где? Я тоже тебя не вижу!.. Что это за шары?

Макаров

Что же делать? Петерсен, ты слышишь меня?

Голос Петерсена

Слышу! Но что такое случилось? И что это за шары?

Макаров

Ты можешь двигаться?

Голос Петерсена

Макаров! Ты видишь эти шары?

Макаров

Какие шары?

Голос Петерсена

Пустите!.. Пустите меня!.. Макаров!..

тихо | Макаров стоит в ужасе, потом хватает книгу и раскрывает её

Макаров (читает)

«...Постепенно человек утрачивает свою форму и становится шаром. И став шаром, человек утрачивает все свои желания».

занавес

<1934 год>

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Суд Линча

Петров садится на коня и говорит, обращаясь к толпе, речь о том, что будет, если на месте, где находится общественный сад, будет построен американский небоскреб. Толпа слушает и, видимо, соглашается. Петров записывает что-то у себя в записной книжечке. Из толпы выделяется

человек среднего роста и спрашивает Петрова, что он записал у себя в записной книжечке. Петров отвечает, что это касается только его самого. Человек среднего роста наседает. Слово за слово, и начинается распря. Толпа принимает сторону человека среднего роста, и Петров, спасая свою жизнь, погоняет коня и скрывается за поворотом. Толпа волнуется и, за неимением другой жертвы, хватает человека среднего роста и отрывает ему голову. Оторванная голова катится по мостовой и застревает в люке для водостока. Толпа, удовлетворив свои страсти, расходится.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Встреча

Вот однажды один человек пошёл на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и всё.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Неудачный спектакль

на сцену выходит Петраков-Горбунов, хочет что-то сказать, но икает | его начинает рвать | он уходит | выходит Притыкин

Притыкин

Уважаемый Петраков-Горбунов должен сообщ...

его рвёт, и он убегает | выходит Макаров

Макаров:

Егор...

Макарова рвёт | он убегает | выходит Серпухов

Серпухов

Чтобы не быть...

его рвёт, он убегает | выходит Курова

Курова

Я была бы...

её рвёт, она убегает | выходит маленькая девочка.

Маленькая девочка

Папа просил передать вам всем, что театр закрывается. Нас всех тошнит.

занавес

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Тюк!

Лето, письменный стол. Направо дверь. На столе картина. На картине нарисована лошадь, а в зубах у лошади цыган. Ольга Петровна колет дрова. При каждом ударе с носа Ольги Петровны соскакивает пенсне. Евдоким Осипович сидит в креслах и курит.

Ольга Петровна ударяет колуном по полену, которое, однако, нисколько не раскалывается

Евдоким Осипович

Тюк!

Ольга Петровна надевая пенсне, бьёт по полену

Евдоким Осипович

Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне*):

Евдоким Осипович! Я вас прошу, не говорите этого слова «тюк».

Евдоким Осипович

Хорошо, хорошо.

Ольга Петровна ударяет колуном по полену

Евдоким Осипович

Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне*):

Евдоким Осипович! Вы обещали не говорить этого слова «тюк».

Евдоким Осипович

Хорошо, хорошо, Ольга Петровна! Больше не буду.

Ольга Петровна ударяет колуном по полену

Евдоким Осипович

Тюк!

Ольга Петровна (*надевая пенсне*):

Это безобразие! Взрослый пожилой человек и не понимает простой человеческой просьбы!

Евдоким Осипович

Ольга Петровна! Вы можете спокойно продолжать вашу работу. Я больше мешать не буду.

Ольга Петровна

Ну я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено.

Евдоким Осипович

Колите, конечно, колите!

Ольга Петровна ударяет колуном по полену

Евдоким Осипович:

Тюк!

Ольга Петровна роняет колун, открывает рот, но ничего не может сказать | Евдоким Осипович встаёт с кресел, оглядывает Ольгу Петровну с головы до ног и медленно уходит | Ольга Петровна стоит неподвижно с открытым ртом и смотрит на удаляющегося Евдокима Осиповича | занавес медленно опускается

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Что теперь продают в магазинах

Коратыгин пришёл к Тикакееву и не застал его дома.

А Тикакеев в это время был в магазине и покупал там сахар, мясо и огурцы.

Коратыгин потолкался возле дверей Тикакеева и собрался уже писать записку, вдруг смотрит, идёт сам Тикакеев и несёт в руках клеёнчатую кошёлку.

Коратыгин увидел Тикакеева и кричит ему:

– А я вас уже целый час жду!

– Неправда, – говорит Тикакеев, – я всего двадцать пять минут, как из дома.

– Ну, уж этого я не знаю, – сказал Коратыгин, – а только я тут уже целый час.

– Не врете! – сказал Тикакеев. – Стыдно врать.

– Милостивейший государь! – сказал Коратыгин. – Потрудитесь выбирать выражения.

– Я считаю... – начал было Тикакеев, но его перебил Коратыгин.

– Если вы считаете... – сказал он, но тут Коратыгина перебил Тикакеев и сказал:

– Сам-то ты хорош!

Эти слова так взбесили Коратыгина, что он зажал пальцем одну ноздрю, а другой сморкнулся в Тикакеева.

Тогда Тикакеев выхватил из кошёлки самый большой огурец и ударил им Коратыгина по голове.

Коратыгин схватился руками за голову, упал и умер.

Вот какие большие огурцы продаются теперь в магазинах!

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Машкин убил Кошкина

Товарищ Кошкин танцевал вокруг товарища Машкина.

Товарищ Машкин следил за товарищем Кошкиным.

Товарищ Кошкин оскорбительно махал руками и противно выворачивал ноги.

Товарищ Машкин нахмурился.

Товарищ Кошкин пошевелил животом и притопнул правой ногой.

Товарищ Машкин вскрикнул и кинулся на товарища Кошкина.

Товарищ Кошкин попробовал убежать, но спотыкнулся и был настигнут товарищем Машкиным.

Товарищ Машкин ударил кулаком по голове товарища Кошкина.

Товарищ Кошкин вскрикнул и упал на четвереньки.

Товарищ Машкин двинул товарища Кошкина ногой под живот и еще раз ударил его кулаком по затылку.

Товарищ Кошкин растянулся на полу и умер.

Машкин убил Кошкина.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Сон дразнит человека

Марков снял сапоги и, вздохнув, лёг на диван.

Ему хотелось спать, но как только он закрывал глаза, желание спать моментально проходило. Марков открывал глаза и тянулся рукой за книгой, но сон опять налетал на него, и, не дотянувшись до книги, Марков ложился и снова закрывал глаза. Но лишь только глаза закрывались, сон улетал опять, и сознание становилось таким ясным, что Марков мог в уме решать алгебраические задачи на уравнения с двумя неизвестными.

Долго мучился Марков, не зная, что ему делать: спать или бодрствовать? Наконец измучившись и возненавидев самого себя и свою комнату, Марков надел пальто и шляпу, взял в руки трость и вышел на улицу. Свежий ветерок успокоил Маркова, ему стало радостнее на душе и захотелось вернуться обратно к себе в комнату.

Войдя в свою комнату, он почувствовал в теле приятную усталость и захотел спать. Но только он лёг на диван и закрыл глаза, – сон моментально испарился.

С бешенством вскочил Марков с дивана и, без шапки и без пальто, помчался по направлению к Таврическому саду.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Охотники

На охоту поехало шесть человек, а вернулось-то только четыре.

Двое-то не вернулось.

Окнов, Козлов, Стрючков и Мотыльков благополучно вернулись домой, а Широков и Каблучков погибли на охоте.

Окнов целый день ходил потом расстроенный и даже не хотел ни с кем разговаривать. Козлов неотступно ходил следом за Окновым и приставал к нему с различными вопросами, чем и довел Окнова до высшей точки раздражения.

Козлов

Хочешь закурить?

Окнов

Нет.

Козлов

Хочешь, я тебе принесу вон ту вон штуку?

Окнов

Нет.

Козлов

Может быть, хочешь, я тебе расскажу что-нибудь смешное?

Окнов

Нет.

Козлов

Ну, хочешь пить? У меня вот тут есть чай с коньяком.

Окнов

Мало того, что я тебя сейчас этим камнем по затылку ударил, я тебе ещё оторву ногу.

Стрючков и Мотыльков

Что вы делаете? Что вы делаете?

Козлов

Приподнимите меня с земли.

Мотыльков

Ты не волнуйся, рана заживет.

Козлов

А где Окнов?

Окнов (*отрывая Козлову ногу*)

Я тут, недалеко!

Козлов

Ох, матушки! Спа-па-си!

Стрючков и Мотыльков

Никак он ему и ногу оторвал!

Окнов

Оторвал и бросил вон туда!

Стрючков

Это злодейство!

Окнов

Что-о?

Стрючков

...ейство...

Окнов

Ка-а-ак?

Стрючков

Нь... нь... нь... никак.

Козлов

Как же я дойду до дому?

Мотыльков

Не беспокойся, мы тебе приделаем деревяшку.

Стрючков

Ты на одной ноге стоять можешь?

Козлов

Могу, но не очень-то.

Стрючков

Ну, мы тебя поддержим.

Окнов

Пустите меня к нему!

Стрючков

Ой нет, лучше уходи!

Окнов

Нет, пустите!.. Пустите!.. Пусти... Вот, что я хотел сделать.

Стрючков и Мотыльков

Какой ужас!

Окнов

Ха-ха-ха!

Мотыльков

А где же Козлов?

Стрючков

Он уполз в кусты.

Мотыльков

Козлов, ты тут?

Козлов

Шаша!..

Мотыльков

Вот ведь до чего дошёл!

Стрючков

Что же с ним делать?

Мотыльков

А тут уж ничего с ним не поделаешь. По-моему, его надо просто удавить. Козлов! А, Козлов? Ты меня слышишь?

Козлов

Ох, слышу, да плохо.

Мотыльков

Ты, брат, не горюй. Мы сейчас тебя удавим. Постой!.. Вот... Вот... Вот...

Стрючков

Вот сюда, вот ещё! Так! Так! Так! Ну-ка ещё... Ну, теперь готово!

Мотыльков

Теперь готово!

Окнов

Господи, благослови!

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Исторический эпизод

В.Н.Петрову

Иван Иванович Сусанин (то самое историческое лицо, которое положило свою жизнь за царя и впоследствии было воспето оперой Глинки) зашел однажды в русскую харчевню и, сев за стол, потребовал себе антрекот. Пока хозяин харчевни жарил антрекот, Иван Иванович закусил свою бороду зубами и задумался: такая у него была привычка.

Прошло 35 колов времени, и хозяин принес Ивану Ивановичу антрекот на круглой деревянной дощечке. Иван Иванович был голоден и по обычаю того времени схватил антрекот руками и начал его есть. Но, торопясь утолить свой голод, Иван Иванович так жадно набросился на антрекот, что забыл вынуть изо рта свою бороду и съел антрекот с куском своей бороды.

Вот тут-то и произошла неприятность, так как не прошло и пятнадцати колов времени, как в животе у Ивана Ивановича начались сильные рези. Иван Иванович вскочил из-за стола и кинулся на двор. Хозяин крикнул было Ивану Ивановичу: «Зри, како твоя борода клочна», – но Иван Иванович, не обращая ни на что внимания, выбежал во двор.

Тогда боярин Ковшегуб, сидящий в углу харчевни и пьющий сусло, ударил кулаком по столу и вскричал: «Кто есть сей?» А хозяин, низко кланяясь, ответил боярину: «Сие есть наш патриот Иван Иванович Сусанин». – «Во как!» – сказал боярин, допивая свое сусло.

«Не угодно ли рыбки?» – спросил хозяин. «Пошел ты к бую!» – крикнул боярин и пустил в хозяина ковшом. Ковш просвистел возле хозяйской головы, вылетел через окно на двор и хватил по зубам сидящего орлом Ивана Ивановича. Иван Иванович схватился рукой за щеку и повалился на бок.

Тут справа из сарая выбежал Карп и, перепрыгнув через корыто, на котором среди помоев лежала свинья, с криком побежал к воротам. Из харчевни выглянул хозяин. «Чего ты орёшь?» – спросил он Карпа. Но Карп, ничего не отвечая, убежал.

Хозяин вышел на двор и увидел Сусанина, лежащего неподвижно на земле. Хозяин подошёл поближе и заглянул ему в лицо. Сусанин пристально глядел на хозяина. «Так ты жив?» – спросил хозяин. «Жив, да только страшусь, что меня ещё чем-нибудь ударят», – сказал Сусанин. «Нет», – сказал хозяин, – не страшись. Это тебя боярин Ковшегуб чуть не убил, а теперь он ушедши». «Ну и слава тебе, Боже», – сказал Иван Сусанин, поднимаясь с земли. – Я человек храбрый, да только зря живот покладать не люблю. Вот и приник к земле и ждал, что дальше будет. Чуть чего, я бы на животе до самой Елдыриной слободы бы уполз. Евона как щеку разнесло. Батюшки! Полбороды отхватило!.. «Это у тебя ещё раньше было», – сказал хозяин. «Как это так раньше?» – вскричал патриот Сусанин. – Что же, по-твоему, я так с клочной бородой ходил?» «Ходил», – сказал хозяин. «Ах ты, мяфа», – проговорил Иван Сусанин. Хозяин зажмурил глаза и, размахнувшись со всего маху, звезданул Сусанина по уху. Патриот Сусанин рухнул на землю и замер. «Вот тебе! Сам ты мяфа!» – сказал хозяин и удалился в харчевню.

Несколько колов времени Сусанин лежал на земле и прислушивался, но, не слыша ничего подозрительного, осторожно приподнял голову и осмотрелся. На дворе никого не было, если не считать свиньи, которая, вывалившись из корыта, валялась теперь в грязной луже. Иван Сусанин,

озираясь, подобрался к воротам. Ворота, по счастью, были открыты, и патриот Иван Сусанин, извиваясь по земле, как червь, пополз по направлению к Елдыриной слободе.

Вот эпизод из жизни знаменитого исторического лица, которое положило свою жизнь за царя и было впоследствии воспето в опере Глинки.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Федя Давидович

Федя долго подкрадывался к маслѐнке и, наконец, улучив момент, когда жена нагнулась, чтобы состричь на ноге ноготь, быстро, одним движением вынул из маслѐнки все масло и сунул его к себе в рот. Закрывая маслѐнку, Федя нечаянно звякнул крышкой. Жена сейчас же выпрямилась и, увидя пустую маслѐнку, указала на нее ножницами и строго сказала:

– Масла в маслѐнке нет. Где оно?

Федя сделал удивлѐнные глаза и, вытянув шею, заглянул в маслѐнку.

– Это масло у тебя во рту, – сказала жена, показывая ножницами на Федю.

Федя отрицательно покачал головой.

– Ага, – сказала жена. – Ты молчишь и мотаешь головой, потому что у тебя рот набит маслом.

Федя вытаращил глаза и замахал на жену руками, как бы говоря: «Что ты, что ты, ничего подобного!». Но жена сказала:

– Ты врѐшь. Открой рот.

– Мм, – сказал Федя.

– Открой рот, – повторила жена.

Федя растопырил пальцы и замычал, как бы говоря: «Ах да, совсем было забыл; сейчас приду», – и встал, собираясь выйти из комнаты.

– Стой! – крикнула жена.

Но Федя прибавил шагу и скрылся за дверью. Жена кинулась за ним, но около двери остановилась, так как была голой и в таком виде не могла выйти в коридор, где ходили другие жильцы этой квартиры.

– Ушѐл, – сказала жена, садясь на диван. – Вот чѐрт!

А Федя, дойдя по коридору до двери, на которой висела надпись: «Вход категорически воспрещѐн», открыл эту дверь и вошѐл в комнату. Комната, в которую вошѐл Федя, была узкой и длинной, с окном, завешенным грязной бумагой. В комнате справа у стены стояла грязная ломаная кушетка, а у окна стол, который был сделан из доски, положенной одним концом на ночной столик, а другим на спинку стула. На стене висела двойная полка, на которой лежало неопределѐнно что. Больше в комнате ничего не было, если не считать лежащего на кушетке человека с бледно-зелѐным лицом, одетого в длинный и рваный коричневый сюртук и в черные нанковые штаны, из которых торчали чисто вымытые босые ноги. Человек этот не спал и пристально смотрел на вошедшего.

Федя поклонился, шаркнул ножкой и, вынув пальцем изо рта масло, показал его лежащему человеку.

– Полтора, – сказал хозяин комнаты, не меняя позы.

– Маловато, – сказал Федя.

– Хватит, – сказал хозяин комнаты.

– Ну ладно, – сказал Федя и, сняв масло с пальца, положил его на полку.

– За деньгами придешь завтра утром, – сказал хозяин.

– Ой, что вы! – вскричал Федя. – Мне ведь их сейчас нужно. И ведь полтора рубля всего...

– Пошѐл вон, – сухо сказал хозяин, и Федя на цыпочках выбежал из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

19... год

Анекдоты из жизни Пушкина

1

Пушкин был поэтом и всё что-то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул:

– Да никак ты писака!

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски Жуковым.

2

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растёт, а у меня не растёт», – частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришёл, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стол. «Что скажешь, брат Пушкин?» – спросил Петрушевский. «Стоп машина», – сказал Пушкин.

4

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колёсах. Друзья любили дразнить Пушкина и хватали его за эти колёса. Пушкин злился и писал про друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл «эрпигармами».

5

Лето 1829 года Пушкин провёл в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво».

6

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7

У Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и всё время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора: сидят они за столом; на одном конце Пушкин всё время падает со стула, а на другом конце – его сын. Просто хоть святых вон выноси!

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Начало очень хорошего летнего дня (симфония)

Чуть только прокричал петух, Тимофей выскочил из окошка на улицу и напугал всех, кто проходил в это время по улице. Крестьянин Харитон остановился, поднял камень и пустил им в Тимофея. Тимофей куда-то исчез. «Вот ловкач!» – закричало человеческое стадо, и некто Зубов разбежался и со всего маху двинулся головой о стенку. «Эх!» – вскрикнула баба с флюсом. Но Комаров сделал этой бабе тепель-тапель, и баба с воем убежала в подворотню. Мимо шёл Фетелюшин и посмеивался. К нему подошел Комаров и сказал: «Эй ты, сало!» – и ударил Фетелюшина по животу. Фетелюшин прислонился к стене и начал икать. Ромашкин плевался сверху из окна, стараясь попасть в Фетелюшина. Тут же невдалеке носатая баба била корытом своего ребёнка. А молодая толстенная мать тёрла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стенку. Маленькая собачка, сломав тоненькую ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. У бакалейного магазина стояла очередь за сахаром. Бабы громко ругались и толкали друг друга кошёлками. Крестьянин Харитон, напившись денатурата, стоял перед бабами с расстёгнутыми штанами и произносил нехорошие слова.

Таким образом начинался хороший летний день.

19... год

Даниил Иванович Хармс (Ювачёв)

Пакин и Ракукин

– Ну ты, не очень-то фрякай! – сказал Пакин Ракукину.

Ракукин сморщил нос и недоброжелательно посмотрел на Пакина.

– Что глядишь? Не узнал? – спросил Пакин.

Ракукин пожевал губами и, с возмущением повернувшись на своем вертящемся кресле, стал смотреть в другую сторону. Пакин побарабанил пальцами по своему колену и сказал:

– Вот дурак! Хорошо бы его по затылку палкой хлопнуть.

Ракукин встал и пошёл из комнаты, но Пакин быстро вскочил, догнал Ракукина и сказал:

– Постой! Куда помчался? Лучше сядь, и я тебе покажу кое-что.

Ракукин остановился и недоверчиво посмотрел на Пакина.

– Что, не веришь? – спросил Пакин.

– Верю, – сказал Ракукин.

– Тогда садись вот сюда, в это кресло, – сказал Пакин.

И Ракукин сел обратно в своё вертящееся кресло.

– Ну вот, – сказал Пакин, – чего сидишь в кресле, как дурак?

Ракукин подвигал ногами и быстро замигал глазами.

– Не мигай, – сказал Пакин.

Ракукин перестал мигать глазами и, сгорбившись, втянул голову в плечи.

– Сиди прямо, – сказал Пакин.

Ракукин, продолжая сидеть сгорбившись, выпятил живот и вытянул шею.

– Эх, – сказал Пакин, – так бы и шлёпнул тебя по подрывнику!

Ракукин икнул, надул щёки и потом осторожно выпустил воздух через ноздри.

– Ну ты, не фрякай! – сказал Пакин Ракукину.

Ракукин ещё больше вытянул шею и опять быстро-быстро замигал глазами.

Пакин сказал:

– Если ты, Ракукин, сейчас не перестанешь мигать, я тебя ударю ногой по грудям.

Ракукин, чтобы не мигать, скривил челюсти и ещё больше вытянул шею и закинул назад голову.

– Фу, какой мерзостный у тебя вид, – сказал Пакин. – Морда как у курицы, шея синяя, просто гадость.

В это время голова Ракукина закидывалась назад всё дальше и дальше и, наконец, потеряв напряжение, свалилась на спину.

– Что за чёрт! – воскликнул Пакин. – Это что ещё за фокусы?

Если посмотреть от Пакина на Ракукина, то можно было подумать, что Ракукин сидит вовсе без головы. Кадык Ракукина торчал вверх. Невольно хотелось думать, что это нос.

– Эй, Ракукин! – сказал Пакин.

Ракукин молчал.

– Ракукин! – повторил Пакин.

Ракукин не отвечал и продолжал сидеть без движения.

– Так, – сказал Пакин, – подох Ракукин.

Пакин перекрестился и на цыпочках вышел из комнаты.

Минут четырнадцать спустя из тела Ракукина вылезла маленькая душа и злобно посмотрела на то место, где недавно сидел Пакин. Но тут из-за шкапа вышла высокая фигура ангела смерти и, взяв за руку ракукинскую душу, повела её куда-то, прямо сквозь дома и стены. Ракукинская душа бежала за ангелом смерти, поминутно злобно оглядываясь. Но вот ангел смерти поддал ходу, и ракукинская душа, подпрыгивая и спотыкаясь, исчезла вдали за поворотом.

19... год